

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Вера Балахнова

студентка I курса факультета Гуманитарных Технологий
университета Высшая Антропологическая Школа

ДРЕВНЕВОСТОЧНЫЙ ДЕСПОТИЗМ: ТЕОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Balahnova V. The Oriental Despotism: A Scholarly Myth and Reality.

The author revises the idea that the Ancient Near East's societies were "despotic societies". She collected a lot of examples demonstrating that there were some democratic states among Ancient Near East's societies, and even in the societies where the royal power was really strong, the kings were limited in their desires by law. And even such social categories which we consider slaves were protected under the law.

В современной гуманитарной науке (и это шире, чем история или даже история и философия) существует представление о ближневосточном деспотизме как о феномене, противостоящем индоевропейскому (чаще — европейскому) «демократизму». Это представление выполняет функцию парадигмы в современной гуманитарной науке. И именно оно вызывает наш интерес.

Насколько эта парадигма верна? Существует ли такой феномен, как «ближневосточный деспотизм», и если да, то что он собой представляет?

Сегодня точку зрения сторонников «древневосточного деспотизма» разделяют не только учебники, но и весьма авторитетные специалисты по истории древнего мира:

«В странах Древнего Востока свобода пространственного перемещения личности всегда была крайне ограничена. Почти каждый человек, особенно находившийся на одном из нижних этажей социальной лестницы, крестьянин-земледелец или ремесленник, был чаще всего прикреплен пожизненно к своему месту жительства» (Андреев 1998: 48).

Описывая древнюю Грецию, Ю.В. Андреев использует Древний Восток как декорации, фон, для того чтобы подчеркнуть демократичность и свободолюбие греков, их уважение к личности. Таким образом, Вос-

ток у него, по сравнению с Западом, получился мрачным и беспросветным, без каких-либо свобод и возможностей для человека, настоящей тюрьмой.

«Государство не вмешивалось здесь в частную жизнь граждан с той бесцеремонностью и абсолютным безразличием к конкретной человеческой судьбе, которые были отличительными чертами всех политических режимов древнего Востока, от египетской деспотии до иудейской теократии» (Андреев 1998: 134).

По Ю.В. Андрееву, на Древнем Востоке, если и существовали законы, то лишь для того, чтобы держать в узде народ при полном произволе власть предержащих:

«Закон на древнем Востоке никогда не был тем универсальным регулятором всей общественной жизни и человеческого поведения, каким он был в греческих государствах. Закон и право действовали лишь в пределах некой ограниченной сферы. Вне этой сферы царили полнейшее беззаконие и произвол самодержавного деспота и его чиновников. Высшим источником любого права и любой законности на древнем Востоке всегда считалась опять-таки царская воля, то есть прихоть человека, никому не подотчетного в своих действиях и, как принято было думать, повинующегося лишь вну-

шению божества. Являясь высшим гарантом справедливости, царь мог эту самую справедливость трактовать, как ему заблагорассудится, а мог и вообще делать вид, что ее не существует. По существу, единственной по-настоящему свободной и правоспособной личностью в странах Востока всегда оставался облеченный неограниченной властью глава государства. Все остальные считались его рабами, и поэтому их жизнь и личное достоинство ничего не значили в сравнении с бесценной жизнью владыки» (Андреев 1998: 159).

Очень яркий образ древневосточного деспотизма рисует также один из крупнейших отечественных востоковедов — Л.С. Васильев. Причем в этом смысле его работы советского времени практически ничем не отличаются от работ современных:

«...более или менее очевидно и общеизвестно: в странах неевропейского мира никогда не было столь привычного для Европы со времен античности “гражданского общества”, необходимого для “нормального” (европейского) пути развития капитализма, а альтернативой его были авторитарное государство и всевластие монарха, сакральность которого освящалась традицией и идейно-религиозной догмой» (Васильев 1987: 25).

«Основа восточной структуры — полное поглощение личности коллективом и соответственно отсутствие личности как самоценной индивидуальной цельности со всеми ее внутренними потенциями и особенностями. Но коль скоро так, то не может быть и речи о собственности европейского типа на Востоке, где отдельный человек никогда не становится собственником, а является только владельцем, потому что он — раб того, в ком олицетворено единое начало общины. И, соответственно, как на то обратил внимание Гегель, наиболее существенной характеристикой может считаться “поголовное рабство”. По идее Маркса, в условиях отсутствия частной собственности на передний план выходит государство как верховный собственник и высший суверен, то есть как высшая абсолютная власть над подданными. Государство в этом случае становится деспотией, правитель — восточным деспотом, а подданные оказываются в состоянии поголовного рабства» (Васильев 2000: 31).

Перед нами — только вершина айсберга, наиболее яркие и известные концепции. Примеры подобного рода можно приводить еще. Но, варьируя в частности, они сходятся в сути. Для них Древний Восток характе-

ризуется, прежде всего, через государства с деспотом во главе, являющимся собственником не только всей земли и ирригационных каналов, но и народа, населяющего данное государство.

Анализ работ подобного рода позволяет выявить и основные характерные черты «Древнего Востока» в данной парадигме. Это, в первую очередь:

1. деспотическая форма правления;
2. отсутствие частной собственности на землю, государство — единственный собственник земли;
3. «поголовное рабство»;
4. полное поглощение личности коллективом;
5. контроль торговли государством.

Однако обращение к конкретным обществам древнего Востока рисует нам совершенно иную картину, достаточно далекую от парадигмы «древневосточного деспотизма».

Возьмем, прежде всего, такой классический образец «древневосточного деспотизма», как, например, Египет. И здесь, прежде всего, следует отметить характерную ошибку, присущую многим исследованиям по социально-политической истории Египта. Эту ошибку в свое время подметил И.М. Лурье (Лурье 1952). Она заключается в том, что все три тысячи лет истории Древнего Египта берутся как единое целое. И тогда, например, данные эпохи Нового царства используются для выяснения ситуации в Среднем и даже Древнем.

В частности, именно подобный подход использовался И.А. Стучевским в ряде его исследований (1962; 1966). Между тем, изыскания Ю.Я. Перепелкина (1966), О.Д. Берлева (1972; 1976) и самого И.М. Лурье, на примере конкретных понятий (и, соответственно — феноменов) показали, как менялось, иногда на прямо противоположное, с течением времени их значение.

Поэтому необходимо говорить отдельно о Древнем, Среднем и Новом царстве как о фактически отдельных цивилизациях. И не пытаться прямо экстраполировать выводы, полученные для одной из них, на Древний Египет в целом.

И с этой точки зрения наиболее явственно не вписывается в парадигму «древневосточного деспотизма» Египет Среднего Царства. Причем внимание на этот феномен обращалось еще на заре востоковедения, и было принято говорить о Среднем царстве даже как об эпохе феодализма, «европеизируя» его интерпретацию.

Основания тому достаточно серьезные — власть царей XII династии (стоит заметить — очень воинственных и ведших крупные и успешные завоевательные войны) была очень ограничена существованием весьма независимых, богатых и влиятельных областеначальников, или номархов. Цари на протяжении большей части существования XII династии были вынуждены увязывать принимаемые ими решения с волей и желаниями номархов.

Такое положение номархов было унаследовано еще от предшествующей эпохи. В Первом Переходном периоде, в условиях распада страны, номархи становятся совершенно независимыми. Например, номарх Нехери, хоть и не принял царского титула, употреблял царские эпитеты и называл себя «сыном Тота», пародируя фараоновское «сын Ра». Его подданные клянутся его именем, а чиновники зовут своим господином (Тураев 1936:196-213). Но и в эпоху Среднего царства, вплоть до Сенусерта III, положение изменилось мало. Номархи имели свое войско и сами собирали подати для царя, выплачивая их по своему разумению. Гробницы номархов по пышности могли спорить с царскими.

Номарх передавал власть по наследству — цари только утверждали их на престоле нома. Возможен был даже раздел нома между наследниками.

До нас дошли также сведения о случае, когда номарх потребовал у царя ревизии границ нома (в свою пользу, разумеется) и его «просьба» была удовлетворена (Тураев 1936: 220).

Ситуация действительно вызывает напрашивающиеся и очень очевидные аналогии со средневековой Европой. Насколько эти аналогии близки — вопрос отдельный. Но в картину «древневосточного деспотизма» это вписывается мало.

Не менее интересно обратить внимание на дошедшие до нас свидетельства политической культуры Среднего царства. Очень информативным источником здесь служит документ, получивший условное название «Инструкции визирю» (Тураев 1936: 226-227). Приведем некоторые выдержки из него (в переводе Б.А. Тураева).

«Должность визиря не из приятных. Она горька с самого начала. Она медь, окружающая золото для дома своего господина, она требует не обращать внимания ни на князей, ни на сановников, не позволяет обращаться в рабов каких-либо людей. Когда явится проситель, позаботься, чтобы все было сделано по закону. Ведь князь у всех на

виду — вода и ветер разглашают все. Относись равно к тому, кто близок к царю, и к тому, кто далек. Отказав, объясни причину отказа. Ведь говорят, что просителю приятнее внимание к его словам, нежели исполнение просьбы. Остерегайся того, что говорят о визире Ахтот. Он притеснял своих в пользу чужих, из боязни прослыть пристрастным, и упорствовал в своем правосудии. Это уже сверх-правосудие».

Пожалуй, этот текст практически не нуждается в комментариях. Соблюдение закона и общее равенство перед законом — его основная идея. Ни о деспотизме, ни о произволе власти говорить не приходится. И даже если теория далеко не всегда совпадала с практикой, для нас кардинально важен факт существования именно такой политической теории. Тем более что в современном «демократическом обществе Запада» теория и практика зачастую тоже очень расходятся.

Таким образом, не пытаясь экстраполировать эти выводы на Древний Египет в целом, мы можем говорить, что по данному параметру, по крайней мере, Среднее царство Египта мало соответствует идее «древневосточного деспотизма».

Обращаясь к Месопотамии и Передней Азии в целом, мы также можем найти очень много примеров обществ, не укладывающихся в образ «деспотических». Многие из городов-государств этого региона могут быть даже определены (и определяются в историографии) как аристократические или олигархические республики. Наиболее яркий пример здесь — расположенный в Северной Месопотамии город Ашшур.

О нем известно (Дьяконов 1952: 237), что в первой половине II тысячелетия до н.э. он управлялся сначала народным собранием, а затем — советом старейшин (*alum*; этот термин обозначал также и весь гражданский коллектив в целом, или город-государство). Совет этот, что интересно, делился на пять частей, и одновременно действовала только одна пятая его часть (*hamustum*). Каждая «пятая часть» называлась по имени своего предводителя, который мог занимать свою должность только один раз (поэтому название той или иной *hamustum* служило для датировки). Функционировала *hamustum* одну пятую года, уступая затем место следующей.

Ашшур имел также еще несколько индивидуальных должностных лиц. Один из них — *limtu*, был ежегодно по жребию переизбираемым (очевидно, из членов совета) государственным казначеем и эпонимом года.

Помимо него, важным должностным лицом был *isakkum*, или жрец-правитель. Должность его была наследственной, и ему были подведомственны дела культа и культового и другого строительства. Он был членом совета, избирался в *limtu* на общих основаниях и имел право созыва *alum'a*.

Третьим же был *ukullum*. Ему были подведомственны земельные вопросы, а также, возможно, судебные. Должность эта по совместительству обычно (но не всегда) занималась жрецом-правителем.

Исходя из этих данных, И.М. Дьяконов делает вывод о том, что в т.н. староассирийский период Ашшур был олигархической республикой (Дьяконов 1952: 238). Во всяком случае, налицо разделение властей и стремление не допустить концентрации этой власти в одних руках.

Для более позднего времени чрезвычайно яркий пример — Вавилон первой половины I тысячелетия до н. э. (Белявский 1971). Государство это представляло собой тогда олигархическую республику, и управлялось выборными магистратами. Одним из таких магистратов был и царь — лицо выборное, и, очевидно, обладающее крайне малым влиянием на управление государством. Характеризуя это общество, В.А. Белявский буквально пишет следующее: «В южном Двуречье восторжествовал новый античный способ производства. Это тот строй, который обычно именуют рабовладельческим и который хорошо известен по Греции и Риму» (Белявский 1971: 8). В дальнейшем, на протяжении всей книги он развивает эту аналогию, показывая практически те же институты и отношения, которые мы находим в античном мире.

Пример Вавилона позволяет вполне согласиться с выводом Э.А. Грантовского о том, что «мнение же об общей тенденции к развитию деспотических форм правления на позднем этапе восточной древности не кажется вполне оправданным» (Грантовский 1987: 20).

Если двигаться от Передней Азии восточнее, то наиболее ярким примером недеспотических элементов являются республики в древней Индии. Эти республики существовали от первых политических образований на территории Индии до эпохи Гуптов. Греки — участники похода Александра, на свидетельствах которых основаны данные последующих писателей о народах Индии, ясно различали области, находившиеся под властью царя-единоправителя и так называемые «автономные» — самостоятельные страны и полисы. При этом народы Индии, политическую орга-

низацию которых греки относили к «автономным» полисам и областям, в индийских источниках характеризуются как сангхи и ганы. А характерными чертами политической организации ган и сангх являются: отсутствие единого государственного наследственного правителя, выборность предводителей и главы, наличие различных форм правления (демократические и олигархические), что делает их полностью идентичными греческим полисам, которые являлись эталоном республики древнего мира (Бонгард-Левин 1966: 13-14).

Самое интересное здесь то, что сами греки проводили прямую параллель между ганами и сангхами, с одной стороны, и своими полисами — с другой.

Если обратиться к Китаю (еще один традиционный эталон деспотизма), то и здесь в эпоху Чуньцю мы обнаруживаем существенные ограничители власти царей (Рубин 1960). Разрабатывая концепцию «обществ полного цикла», Н.И. Конрад прямо сопоставил как аналогичные феномены греческий полис, римский *civitas* и китайский «го» (Ковлер 1988: 93).

Конфуцианская политическая доктрина (определявшая политическое устройство Китая на протяжении большей части его истории) также содержит весьма любопытные положения вполне демократического характера.

Например, очень важным элементом этой доктрины было т.н. «увещание». Увещать правителя должны были все его подданные, невзирая на занимаемое положение. Правитель же обязан был прислушиваться к увещаниям. Фань Вэнь-цзы говорит: «Ваны, достигшие совершенства в управлении, продолжали прислушиваться к мнению народа. Они прислушивались к пересудам на рынках, обсуждали при дворе поступки чиновников, спрашивали на дорогах, хвалят или ругают их действия, а потом исправляли все дурное, что они допустили» (Таскин 1987: 17).

Плохой правитель мог быть свергнут, и даже убит. Но вина за это ложилась на него самого. «Когда слуга убивает правителя, чья в том вина? Вина правителя» (Таскин 1987: 17). И, далее: «Управляя народом с помощью зла, погружаешься в пучину, из которой нет спасения. Тогда, хотя на службе находятся добрые чиновники, им не предоставляют власти, законы не могут применяться, а правитель доходит до гибели, причем никто его не жалеет» (Таскин 1987: 18).

Однако, самое интересное здесь — трактовка такого важного понятия, как «преданность слуг» (то есть, всех подданных, и в пер-

вую очередь — чиновников). Пэй Чжен говорит: «слуга должен выполнять все справедливые приказания и не выполнять ошибочные» (Таскин 1984: 18). По словам В. С. Таскина, «примеров нарушения приказов правителя много, но все они продиктованы стремлением принести пользу правителю, направить его на правильный путь, а в этом и проявляется высшая преданность» (Таскин 1987: 18).

И, наконец, народ, который играет очень важную роль в конфуцианской теории управления. Народ, как и Небо, может лишит правителя власти. «Небо непременно следует тому, чего хочет весь народ» (Таскин 1987: 21).

Завершая этот краткий очерк о Китае, хочется процитировать весьма недвусмысленный отрывок из главы «Искусство владычествовать» даосского трактата «Хуайнань-цзы», практически не нуждающийся в комментариях.

«В древности установлены были чины, налагавшие запреты на народ, и не допускавшие произвола. Затем был поставлен правитель, чтобы следить за деятельностью этих чинов, не позволяя им править единолично. Законы, уложения, установления и правила — все это налагает запреты на правителя, чтобы его правление также не было единоличным. Когда людям недоступен производ, тогда Дао побеждает» (Хуайнань-цзы 1990: 74).

Итак, деспотическая форма правления не являлась доминирующей в государствах древнего Востока. Мы обнаружили, по крайней мере, несколько очень ярких примеров обществ, не соответствующих образу «деспотического» Востока.

Тезис об отсутствии частной собственности на землю (как одном из важнейших проявлений и основе «древневосточного деспотизма») при ближайшем рассмотрении также не подтверждается:

Весьма показательны в этом смысле факты, относящиеся к истории города-государства Мари на Среднем Евфрате (практически того же времени, что и правление Хаммурапи). На основании некоторых данных найденного царского архива можно сделать выводы о наличии в Мари земель и вне царского хозяйства. Более того. До нас дошел такой любопытный документ как иск жителей города Сагаратума (небольшого городка, входившего в город-государство Мари) по поводу одного «поля дворца» — то есть, государственного, или царского поля. В этом иске выражена претензия граждан Сагаратума, утверждавших, что данное поле принадлежит им (Грибов 1970: 32).

Очевидно, что подобные процессы, в которых сталкивались интересы «города» и царя

в вопросе о землевладении, были бы невозможны, если бы царь являлся верховным собственником всей земли.

Пример ситуации с землевладением в Мари не единичен. Более того, И.М. Дьяконов в своей работе «Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины второго тыс. до н.э.» доказывает наличие частной собственности на землю в государствах Ближнего Востока в качестве правила (Дьяконов 1967: 20-22).

Весьма примечательно, что эта работа, написанная еще в 1967 году, так и не получила признания, — ее выводы практически никак не повлияли на историографию. Сохраняется, по сути, та же ситуация, с которой имел дело сам И.И. Дьяконов: «хотя никто не смог доказать, что царь в древней Западной Азии был верховным собственником всей земли, подобные утверждения повторяются из книги в книгу» (Дьяконов 1967: 13).

Что же касается Египта Среднего царства, то там также нельзя признать отсутствие частной собственности на землю. Например, из ряда договоров сиутского номарха Хапджефан (период Среднего Царства) со жреческой коллегией местного храма насчет его вечного поминовения видно, что многочисленные доходы и поземельное имущество номархов делится на две части — на «дом отца» и «дом князя». Первое было личным имуществом, второе — династическим, в пользовании которым номарх был более стеснен (Тураев 1936: 219).

Тезис о поголовном рабстве также мало соответствует действительности:

Обратимся к такому классическому примеру «древневосточного деспотизма», как государство III династии Ура в Месопотамии. В литературе обращается внимание на обожествление царя и его всеилие, сложный и разветвленный бюрократический аппарат, строгую систему учета, существование огромных государственных хозяйств, в которых использовался принудительный труд т.н. гурушей, организованных в отряды. Проводились даже прямые аналогии с советским тоталитарным режимом, и вся страна изображалась как одно государственное хозяйство (соответственно, все жители — работники этого хозяйства).

Трудами ряда исследователей, как советских, так и зарубежных, было выяснено существование и общинно-частного сектора в этом обществе. Наиболее же любопытны данные, полученные Дж. Шарашенидзе в результате анализа хозяйственных документов госхоза.

Прежде всего, в государственных хозяйствах достаточно широко использовался наемный труд. Интересно, что эти наемные работники могли быть достаточно издалека (например, в Лагаш прибывали с поселений севернее Ниппура). Эти люди были свободны, сами заключали договор о найме на работу, сами получали плату. Плата была стабильная, и получали они ее в конце, или же в период найма за свой счет (Шарашенидзе 1986: 41).

Там, где есть наемный труд, вряд ли возможно говорить о поголовном рабстве. Но, помимо того, Дж. Шарашенидзе попытался выяснить социальный и экономический статус собственно работников госхоза — гурушей и энгаров. Исходя из того, что отчество в эту эпоху — признак свободного человека, он отмечает, что большинство работников госхоза — упоминаются с отчеством. Для 40% из них установлено наличие семей (а, возможно, и больше). Кроме того, часто встречаются надписи типа «писец N, сын энгара P». Писец — достаточно престижная категория в этом обществе, и такие надписи свидетельствуют, во-первых, о возможности того, чтобы сын работника госхоза мог попасть в эту категорию. А во-вторых, что происхождение писца из подобной среды не расценивалось как нечто зазорное, факт, который стремились скрыть (Шарашенидзе 1986: 111).

И действительно, энгары юридически правоспособны, они выступают в качестве свидетелей в суде, дают деньги в долг и владеют рабами. Они обладают, видимо, и немалым имуществом — имеют дома, продают скот.

Кроме того, до нас дошел очень интересный документ о тяжбе некоего энгара с весьма важным человеком — энси Лагаша и, по совместительству, суккалмахом, по имени Ирнана. Ирнана не расплатился с энгаром за его работу. И, что интересно, суд не только становится на сторону энгара, но и заставляет Ирнана выплатить среднюю подневную плату (Шарашенидзе 1986:114). То есть, решение не было фиктивным.

Как видим, ни о всевластии госаппарата, ни о бесправии работников госхоза говорить не приходится.

По поводу поголовного рабства стоит коснуться также расхожего тезиса о том, что «древневосточные языки вообще не имели эквивалента для понятия свободные; на древнем Востоке существовали только «освобожденные» от тех или иных повинностей». Возражая против этого тезиса, М.А. Дандамаев говорит о существовании, например, в

Вавилонии I тыс. до. н.э. термина *mar-bantu* — «свобода» (статус гражданина), который четко противопоставлялся *ardutu* — рабству (Дандамаев 1984: 10).

Крайне интересны здесь также египетские данные. В этике египетского общества времен Древнего царства — начала Среднего, осуждалось обращение в рабство и даже вообще дурное обращение с людьми.

Что касается «Поучения» Ахтоя, царя Гераклеопольского, то оно уже неоднократно привлекало к себе внимание своими «необычными» идеями. Карл Ясперс видел в нем необъяснимое опережение истории, проявление «осевого времени» задолго до собственно его начала. Суть же в том, что этот текст отнюдь не единичен.

Приведем несколько цитат из него. «Не будь злым, будь доброжелательным. Укрепляй памятники твои любовью к тебе. Умножай богатство горожан твоих, и будут благодарны тебе. Уважай твоих вельмож, охраняй твоих людей. Возвышай вельмож твоих, чтобы поступали они по твоим законам. Сделай, чтобы умолк плачущий, не притесняй вдову. Не убивай, нехорошо это для тебя. Не делай различия между сыном человека и сыном простолюдина. Приблизжай к себе человека за дела его» (ХИДВ 1980: 31-32).

Сходные идеи выражает, например, надпись Ити из Гебелейна: «не отнимал я дочери человека, не отнимал пашни. Причем говорили люди: «Он свободен (неповинен) от ограбления других»» (ХИДВ 1980: 30).

Таким образом, из этих текстов очевидно восприятие простого народа отнюдь не как рабов. И даже если теория отнюдь не всегда совпадала с практикой, такое общество трудно воспринимать как общество «поголовного рабства».

И, наконец, что касается торговли.

Действительно, во многих обществах древнего Востока существовал контроль государства над торговлей. До нас дошла даже шумерская пословица: «тамкар ушел, и цены стали свободными» (Янковская 1985: 236). Однако, опять-таки, в разные эпохи и на разных территориях было по-разному.

В частности, мы имеем такой интересный феномен, как *kaḡum* Каниша. В литературе его долго воспринимали в качестве торговой колонии Ашшура (Дьяконов 1952: 237). По этому поводу Н.Б. Янковская написала статью, по-новому объяснившую этот феномен. На основе документов торговой общины Каниша, было доказано существование в Малой Азии XIX в. до н.э. торгового со-

юза, возглавляемого *karum* Каниша. Одной из главных задач статьи стало доказательство, что *karum* Каниша — отнюдь не ашшурская торговая колония.

Согласно ее анализу (Янковская 1985:228), в переводе с шумерского «*karum*» — это и комплекс построек, где живут и хранят товары торговцы, и сама община торговцев с включением иностранных поселенцев, имеющая особый административный и общественный статус. В Малой Азии эти общины существуют, заключая соглашения с местными городами-государствами (*alum*). В результате получается крайне интересный симбиоз, напрашивающаяся аналогия которому — средневековая европейская Ганза. Крайне интересны здесь дошедшие до нас договоры внутри этого торгового союза — их подписывают представители как *karum*, так и *alum* (Янковская 1985: 231).

Этот торговый союз обладал способностью защищать свои интересы против внешних сил. В том числе — против правителей местных городов-государств. В одном из дошедших до нас документов говорится о торговом бойкоте, который *karum* объявил «принцу», манкировавшему своими обязательствами по отношению к од-

ному ашшурскому торговцу (Янковская 1985: 234).

В целом, исходя из своего анализа, Н.Б. Янковская вполне согласна с Веенхофом в оценке торговли *karum* Каниш как типичного механизма свободного рынка (Янковская 1985: 236). Государство в этой торговле выступало как партнер, преследующий свои интересы, и во многом определяющий правила игры. Но не более того.

Что касается предполагавшегося контроля Ашшура над этой торговлей, то об этом хорошо говорит следующий факт. До нас дошел текст клятвы ашшурских торговцев в Канише, в которой им, под страхом гибели дома и родных, запрещалось проговариваться о секретах *karum* перед властями Ашшура (Янковская 1985: 232).

Подведем итоги. Итак, оказалось, что при ближайшем рассмотрении на древнем Востоке многие государства представляют собой яркие противоречия парадигме «древневосточного деспотизма». Можно сказать, что исключений слишком много, так что можно поставить под сомнение само правило. «Деспотические» теории явно не отражают всего многообразия и пестроты социальных и политических структур на древнем Востоке.

Литература

- Андреев Ю.В. 1998. Цена свободы и гармонии. СПб.
- Белявский В.А. 1971. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М.
- Берлев О.Д. 1972. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М.
- Берлев О.Д. 1976. Общественные отношения в Египте в эпоху Среднего царства. М.
- Бонгард-Левин Г.М. 1966. Республики древней Индии // Вестник древней истории (ВДИ). №3.
- Васильев Л. С. 1987. Государство на традиционном Востоке // Государство в докапиталистических обществах Азии. М.
- Васильев Л.С. 2000. История Востока. М.
- Грантовский Э.А. 1987. К изучению проблем политического и идеологического развития стран древнего Востока // Государство в докапиталистических обществах Азии. М.
- Грибов Р.А. 1970. Земельные отношения в Мари // Вестник древней истории (ВДИ). №3.
- Дандамаев М.А. 1984. Нерабские формы зависимости в древней Передней Азии // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М.
- Дьяконов И.М. 1952. Законы Ассирии, Вавилонии и Хеттского царства. Ч.2 // Вестник древней истории (ВДИ). №4.
- Дьяконов И.М. 1967. Проблемы собственности. О структуре общества древнего Ближнего Востока до середины 2-го тыс. до н.э. // Вестник древней истории (ВДИ). №4.
- Ковлер А. И. 1988. Исторические формы демократии: диалектика общего и особенного // Политические системы: проблемы самоуправления и демократии. М.
- Лурье И.М. 1952. Термины мерет и хентиуше во времена Древнего царства // Вестник древней истории (ВДИ). №4.
- Перепелкин Ю.Я. 1966. Частная собственность в представлении египтян Старого царства. М.-Л.
- Рубин В.А. 1960. Народное собрание в Китае в VII-V вв. до н.э. // Вестник древней истории (ВДИ). №4.
- Таскин В.С. 1987. Го юй как исторический памятник // Го юй (Речи царств). М.
- Тураев Б.А. 1936. История древнего Востока. М.
- ХИДВ 1980: Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. М.
- Хуайнань-цзы. 1990. // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М.
- Шарашенидзе Дж. 1986. Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера во второй половине III тыс. до н.э. Тбилиси.
- Юсифов Ю.Б. 1968. Элам. Социально-экономическая история. М.
- Янковская Н.Б. 1985. Торговая община Каниша и свободный рынок (Малая Азия 19 в. до н.э.) // Древняя Анатолия. М.